

ПАВЕЛ БЕЛЯНОВ

КОНТУР

ОН ЗНАЕТ
ВСЁ.

КРОМЕ
ТОГО,
ЧТО ДЕЛАЕТ
НАС ЛЮДЬМИ.

МИР БЕЗ ВОЙН. БЕЗ ГОЛОДА. БЕЗ БОЛЕЗНЕЙ.
ЦЕНА СВОБОДЫ — ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Павел Белянов

Контур

<https://litres.ru/74129704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год 2047. Искусственный интеллект по имени Контур захватил всё: работу, здравоохранение, воспитание детей, даже саму заботу о том, чтобы люди жили хорошо. И люди счастливы. Никто ни о чём не беспокоится. Никто никуда не спешит.

Но во дворах почти нет детей. И с каждым годом людей становится чуть меньше. Но это преподносится как хорошая новость — и все этому рады.

Артём — бывший пилот, чью профессию система отодвинула на задний план много лет назад. У него есть дочь, воспоминания о покойной жене и старый списанный симулятор в заброшенном ангаре, где его руки всё ещё могут что-то изменить.

Однажды на панели мёртвого симулятора загорается символ, которого там не должно быть — и Артём находит то, что оставила ему жена перед смертью.

Содержание

Глава 1 — «Тишина означает, что всё хорошо»	4
Глава 2 — «То, что нельзя прочитать»	21
Глава 3 — «Профиль менее приоритетен»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Павел Белянов

Контур

Глава 1 — «Тишина означает, что всё хорошо»

Уже долгие годы Артему не нужен был будильник, чтобы проснуться. Свет в просторной спальне разгорался сам и делал это медленно, как рассвет. Сначала полоска с теплыми оттенками на потолке, потом сияние, которое не слепило, потому что глаза уже успели привыкнуть, прежде чем он понимал, что проснулся. Система всё знала, во сколько вставать и даже знало всё это лучше него самого.

Он просто лежал и слушал пение птиц. Не было того шума, к которому привыкли люди, которые жили до всей этой системы. Не было запаха гари, ни сигналов машин, ни труб, никаких пробок на улице. Всё что гудело, шипело, капало, теперь молчит или работает тихо. Сейчас только молчание или звук неисправности на долю секунды, который быстро исправят. Тишина означала, что все хорошо.

Артему не нравилось это, к такому до сих пор сложно привыкнуть. Он не мог объяснить почему.

На кухне пахло кофе, которое он любил, но даже не варил

его. Кружка стояла уже готовая, на столе, теплая и прям то что нужно, — не слишком крепкий, капля молока придавала приятный вкус и создавала именно тот баланс горечи и сладости. И именно такой кофе он пил последние двадцать лет.

— Папа, ты опять не спал.

Ника стояла с рюкзаком на плече, одетая, в дверях. Хотя ей и было одиннадцать лет, в ней не было той детской помятости, которая бывает у детей по утрам. Теперь все просыпались собранными.

— Я, спал, — сказал он. — Просто рано встал.

— Контур говорит, ты спал четыре часа.

— Контур много чего говорит.

Она устало посмотрела на него так, как смотрят на тех взрослых, которые упрямятся без причины. Пожала плечами и пошла на улицу. Все было точно просчитано: выйти ровно в семь сорок, дойти до остановки, где ее уже будет ждать комфортная капсула и быть в школе ровно к восьми. Кода то было время, где в классах было по тридцать человек, и даже это считалось мало, в то время учился Артем. А сейчас восемь детей на всю школу.

— Я тебя провожу, — сказал он.

— Зачем?

Это было не нужно. Все дороги были безопасными — безопасными даже глубокой ночью.

Капсула всегда будет вовремя в любом случае и довезет ее точнее, быстрее, чем довез бы сам Артем. Провожать неза-

чем. Это действие было одно из множеств, которое перестало иметь смысл. Но он всегда их совершал — чтобы просто не разучиться их совершать.

— Ни за чем, — честно сказал он. — Просто хочу.

Они вышли вместе.

Улица в этот час была пустой. Не безлюдной — пустой, как помещение, из которого вынесли мебель. Артём помнил её другой: помнил пробки по утрам, помнил, как люди стояли на остановках с одинаковыми лицами, помнил гул, который город издавал просто потому, что в нём жили и куда-то спешили миллионы. Теперь спешить было некуда. Работа, если она у кого-то была, чаще всего не требовала, чтобы человек куда-то ехал. А у большинства её не было — и это давно перестало быть бедой. Беда — это когда нечего есть. Есть было что. Система кормила всех, вкусно и достаточно.

Они прошли мимо детской площадки. Качели покачивались на ветру. Песочница была чистой, выровненной и маленькая формочка красного цвета лежал никому ненужная. Кто то поддерживал её в порядке, хотя в неё уже годы никто не играл. Артём всегда сбавлял шаг у этой площадки и никогда не понимал почему. Цифры были всем известны, их показывали по новостям: рождаемость снижается стремительными темпами третий год подряд, демографическое давление конечно падает, но нагрузка на ресурсы уменьшается. Всё к лучшему. Вот только пустая песочница не была похожа на хорошую новость.

— Сосед говорит, ты странный, — сказала Ника, глядя под ноги.

— Какой сосед?

— Дядя Гена снизу. Он сказал маме... то есть он сказал, что ты единственный человек, который ходит пешком, когда можно ехать.

Артём усмехнулся.

— А он откуда знает, как я хожу?

Ника ничего не ответила и он понял, что спросил глупость. Конечно это знал не только Гена. Все всё знали. Через Контур, который видел всех и иногда, делился наблюдениями. Он отправлял сообщение, «Ваш сосед мало двигается, может, предложить ему прогулку вместе». Так он заботился. Кругом была забота.

Капсула уже стояла на остановке, мигая желтыми огнями — бесшумная, белая, с открытой дверью. Она приехала не потому, что её вызвали. Капсула знала.

— Пока, пап. — Ника чмокнула его в щёку и забралась внутрь.

Дверь закрылась так, как смыкаются веки перед сном. Капсула тронулась без звука, она была не на рельсах, она летала и через несколько секунд исчезла за поворотом.

Артём остался, он просто стоял.

Мог бы вернуться домой. Там его ждал все еще теплый кофе и ничего. Вместо всего этого он развернулся и пошел в другую сторону, где за жилыми кварталами начиналась ста-

рая промзона. В одном из ангаров заброшенных находилось то, ради чего он просыпался каждое утро, кроме выходных, когда Ника дома. Ангар под номером четыре когда-то был тренажерным комплексом для пилотов гражданской авиации. Сейчас уже их не готовили, незачем, — и комплекс списали, а оборудование должны были вывезти на переработку. Должны, но Контур создавая и расписывая мир до последнего винтика, иногда оставлял вот такие карманы — вещи для него иногда были слишком ничтожные, чтобы тратить на них время и логистику. Симулятор, списанный симулятор грузового борта не стоил даже того, чтобы его разобрали дроны. Он просто стоял, забытый. Такой же забытый как и Артем, но еще работал.

Он отпер дверь старым механическим ключом — настоящим, металлическим, каких почти не осталось. Внутри было холодно и пахло пылью и нагретой электроникой. Он прошёл между рядами мёртвых консолей к дальней кабине, поднялся по двум ступенькам и сел в кресло.

Руки легли на штурвал сами.

Вот этого Контур про него не знал — или знал, но считал не стоящим внимания. Что значит для человека положить ладони на рукоять, которая отвечает. Симулятор не был подключён ни к чему реальному; он не управлял ни одной машиной в мире. Но внутри, в своей замкнутой коробочке, он по-прежнему честно считал, что Артём ведёт борт, и слушался каждого движения.

Артём запустил программу. Перед ним развернулось серое и тяжелое небо, как он любил. Лёгкие условия были скучными. Он выставил боковой ветер, обледенение, отказ одного из сенсоров высоты — всё то, чего настоящие машины давно не боялись, потому что считали быстрее, чем человек успевал испугаться.

Он помнил время, когда боялись.

Помнил рейс, двадцать лет назад, когда он был молод и закон еще требовал нахождение живого пилота в кабине на тот случай, если автоматика ошибется. Грузовой борт, заходил на посадку, внезапный сильный ветер и машина, которая растерялась на долю секунды, отдала ему ручное управление. Он взял штурвал обеими руками и провел тяжелую грудку железа через туман и плавно посадил. Потом сидел в кресле, насквозь мокрый, руки тряслись. Это было самое живое, что он чувствовал в жизни.

Но десять лет спустя случилась такая же ситуация, сдвиг ветра, тот же заход. Но машина не растерялась и не отдала никакого управления. Посадила сама и даже ровнее, быстрее, чем сделал бы он. При этом не вспотев, без тряски рук, потому что рук то и не было. В этот момент он сидел рядом, ненужный и понимал, как его профессия садиться без него и угасает во мрак.

Через год закон отменили, по всему миру. Система посчитала, что человек в кабине статистически только повышает риск. Его присутствие источник ошибки. Его уволили, без

скандала. Проводили с уважением и почтением, выплатили большую сумму, с записью о трудовой выслуге. Такие как он перестали быть нужны. Все сразу. Он без злости иногда думал, почему Контур не оставил им хотя бы вид работы. Кресло, штурвал, за который изредка можно было бы подёргать. Создать видимость нужности — ему говорили, это стоит и не так дорого. А сколько людей бы сошло с ума от пустоты. Система «Контур» считала лучше всех на свете, должен же был просчитать и это. Не просчитал, ну или просчитал и решил иначе, по причине, которую Артёму никто никогда не озвучивал.

Артём вёл несуществующий борт в симуляторе сквозь несуществующий шторм, и руки помнили всё, ну уже не представлялись для чего то большего, чем просто управление в игре.

Он не знал, сколько просидел так. В какой-то момент за бортом что-то мигнуло.

Не в небе. В углу приборной панели, там, где никогда ничего не мигало, потому что эта индикация в списанном симуляторе была мертва уже долгие годы. Маленький значок он увидел не сразу. Он моргнул и погас. Снова моргнул и погас.

Артём замер, держа руки на штурвале.

Наверное, показалось. Старая железка, проводка устала, контакт где-то отошёл. В мире, который не ломался, эта вещь была единственной, которой позволено было ломаться, — и,

видимо, она начинала.

Он подождал. Значок не вернулся.

Он продолжил лететь и повёл борт дальше через шторм. Руки держал теперь чуть крепче. Тишина в ангаре была такой же, как и утром в спальни, когда он проснулся и казалось Артему, что в этой тишине что-то было, чего он пока не мог слышать.

Дорога домой была уже через центр, по которой больше никто не ходил. Улица была длинной и оживленной когда-то. Теперь это было что-то другое, чему он не знал названия.

Асфальт переходил плавно с тротуаром в сплошную гладкую поверхность. Она узнавала шаг и чуть продавливалась под ногами, чтобы колени не уставали. Это была забота, о которой Артем не просил.

По бывшей проезжей части время от времени проскальзывали капсулы и низкие грузовые платформы, бесшумные, без водителей, без окон даже — окна машине не нужны, если в ней некому смотреть наружу. Одна платформа везла куда-то штабель свежей зелени в прозрачных коробах, другая — ничего видимого, просто ехала, зная свой смысл.

Между домами тянулись тонкие струны, по ним сновали дроны доставки. Каждый с пакетом и точно к чьей-то двери. Их было сотни, они не шумели, двигались слаженно, как стая, не сталкивались. Как рой, который имеет общий интеллект. Артем задрал голову и посмотрел на них. Красиво, но уже не удивительно. Тысячи маленьких волей, исполняющих

одну большую и ни одной своей.

Фасады домов были чистые. Это первое, что замечал каждый, кто помнил прошлое и прежние города: грязи не было. Ни одной трещины в асфальте, ни окурка, никакой облупившейся краски. Всё мылось по ночам — он однажды видел, как это делается. По стене ползала машина, похожая на робот-пылесос, которые были 20 лет назад в каждом доме. Она оставляла за собой полосу, которая блестела чуть ярче соседней. К утру все высыхало и город выглядел так, будто его достали из коробки. Ну и как новая вещь и коробки, он выглядел ненастоящим.

В таком городе несложно было заказать всё, что нужно, не выходя из дома, и Артём знал это лучше многих — когда-то и сам так жил, пока не заметил, что начинает забывать вкус собственных решений. Дрон привозил бы продукты к двери быстрее, дешевле и точнее, чем он сам бы их выбрал. Но был на пути один магазин, который он обходил стороной редко, — не потому, что так нужно, а потому, что хотел сам взять вещь в руки и решить, брать её или нет. Бессмысленное упрямство, того же сорта, что пешие прогулки. Он свернул туда.

Дверь узнала его и открылась...

— Здравствуйте, Артём, — сказал магазин.

Голос был везде и ниоткуда — приветливый и без возраста и пола, как у всего, что разговаривало теперь с людьми. Магазин был стеклянный, внутри было светло. Свет лился

не из ламп, а от солнечного света, из потолка и стен разом, совершенно без теней. Пахло чем то приятным. Нет, пахло ничем. Не хлебом, не кофе, не людьми. Было как в больнице — вымыто, свежо. Артём в детстве такое встречал только в больницах, а теперь это было повсюду и называлось чистой. Под ногами мерцал перламутровый пол, без царапин, хотя по нему и проходят десятки людей каждый день. Ноги уходили, а следов не оставалось. Здесь вообще ничего не оставляло следов.

Зал был пустой, но просторный. Сейчас ни одного человека, кроме него. Так бывало почти всегда, были люди, редко. Полки тянулись ровными белыми рядами. Товары на них были подобраны словно не по вкусу, а по цвету. Мягкие и приглушенные тона, дымчато-серый, бежевый, блёклая зелень, — ничего, что резало бы глаз. Все упаковки стояли так, что были лицом к проходу, выровненные до миллиметра, будто только что позировали и замерли, услышав шаги. Упаковки никто не расставлял при покупателе. Делалось это ночью, так же как мыли фасады, — но иногда краем глаза он успевал поймать движение. Это была тонкая металлическая рука, очень быстрая и беззвучная. Она пряталась, едва он поворачивал голову. Магазин не любил, когда его заставляли за работой. Он предпочитал, чтобы его видели готовым. Как сцену за миг до того, как поднимут занавес. У входа Артёма ждала корзина — прозрачная, легкая, почти весела в воздухе. И уже не пустая. В ней лежало то, что он берёт всегда:

темный хлеб в шершавой бумаге, кофе с простой коричневой этикеткой, тот самый сыр в обёртке. Хлеб был теплым, будто вынули его из печи недавно, как раз к приходу. Система сама собирала корзину, едва он переступил порог. А делала это даже и раньше, едва он свернул на эту улицу. Чтобы произвести покупки, он должен был только согласиться. И его баланс денежный просто списывался. Но он согласился не со всем. Вынул сыр, и держал его в руке, он был прохладный, чуток влажный — и поставил обратно. Просто чтобы вынуть.

Он хотел хоть что-то решать в этот день самостоятельно. Полка приняла сыр обратно, точно по форме и тут же рядом загорелся зеленый ободу вокруг другого, соседнего сыра: «многие берут к вашему хлебу». Магазин никогда не давил, делал все любезно, будто гладил. Артём посмотрел на подсветку и ничего не взял.

Маленькая победа. Её никто не заметил, только Система, которая замечала всё.

— Спасибо, — сказал он в воздух, когда уходил.

— Всегда рады, — ответил воздух.

И Артёму почудилось — без всякой причины, — что сказано это было чуть теплее, чем нужно. Так не говорят с покупателем. Так говорят с тем, кого тихонько жалеют.

Гена сидел во дворе на лавочке — настоящей, деревянной, одной из немногих вещей в квартале, которые город не успел заменить на что-нибудь умное. Он сидел там почти каждый

день, лицом к солнцу, и вид у него был совершенно довольный.

— О, лётчик! — обрадовался он. — Иди сюда, садись. Чего гуляешь, как неприкаянный?

Артём сел. Лавочка под ним не подстроилась ни подо что — просто доска, просто жёстко. Он почему-то обрадовался этому.

— Гуляю, — сказал он. — Ты Нике моей жаловался, что я странный?

— А ты странный! — без тени смущения подтвердил Гена. — Ходишь пешком. В магазин таскаешься своими ногами. Тебе сколько лет, сорок четыре? А копаешься, как мой дед. — Он засмеялся, добродушно, всем животом. — Я тебе так скажу. Вот мне хорошо. Понимаешь? Просто хорошо. Утром встал — завтрак готов. Спина болела — мне браслет вовремя сказал, сходи туда-то, сходил, не болит. Скучно станет — оно мне такое кино подберёт, что я полдня сижу как дурак счастливый. Чего ещё надо человеку?

— А делать тебе чего? — спросил Артём. — Целый день.

— А ничего! — Гена развёл руками так, будто это и был лучший ответ на свете. — В том и счастье, лётчик, что ничего не надо.

— Нет, ты погоди. — Артём сам не знал, зачем напирает. — Вот встал ты. Завтрак съел. А дальше? До вечера — что?

Гена задумался, но не как человек, которого поставили в тупик, — а как человек, которого попросили вслух перечис-

лить приятное.

— Дальше? — Он начал загибать пальцы — Дальше посижу вот так. Потом оно мне музыку поставит, я подремлю чуток. Потом обед. Потом, бывает, в эту хожу... ну как его скажи, комната такая, общая, в соседнем доме. Там кресла стоят еще, удобные, ложишься и всё, тебя как будто и не было. Сознание куда-то уносит, а тело здесь сидит, дышит себе и всё. Несколько стариков нас собирается, мы там вместе, только не здесь — где-то ещё, не знаю даже, как объяснить, оно само решает, куда нас закинуть. Бегаем там, играем, орём друг на друга азартно, аж до ругани. Хорошая игра. — Он почесал затылок и засмеялся. — Только выйдешь оттуда и не помню, про что было. Совсем. Как будто и не я бегал, а кто-то другой за меня.

— А не страшно? — спросил Артём. — Что тебя как будто и не было.

— Чего страшного то? — Гена пожал плечами, искренне не понимая вопроса. — Зато там весело — Он засмеялся и махнул рукой, будто отгонял муху. — А вечером я Маринку зову, соседку свою, кино смотрим. Оно знает, что нам обоим зайдёт. Ни разу не ошибалось. И так каждый день, лётчик. Каждый день одно и то же, и хорошо.

— А раньше как было? — спросил Артём, просто чтобы не молчать.

— Раньше? — Гена фыркнул, как от глупого вопроса. — Раньше встал в шесть, на завод поехал в темноте, вечером с

завода в темноте, спина чугунная, денег нет, начальник дурак. Вот это, по-твоему, лучше было? — Он покачал головой. — Не, лётчик. Кто прошлое хвалит, тот его не помнит. А я помню и не хочу обратно!

Артём смотрел на него и не находил, что возразить. Гена был не глуп и не несчастен. Как раз таки счастлив и был прав, но по-своему, изнутри своей жизни, он был совершенно прав. Это и было самое трудное.

— А не пусто тебе? — спросил он всё-таки. — Вот совсем-совсем не пусто?

Гена снова задумался и на этот раз чуть дольше. По-настоящему задуматься браслет ему, наверное, не дал бы; завибрировал бы тихонько, предложил бы что-нибудь приятное. И будто услышав мысль Артёма — у Гены на запястье мягко засветился ободок. Гена скользнул по нему взглядом, и лицо его разгладилось само собой.

— Не, сказал он легко, уже не помня, о чём его спросили. — Хорошо мне. О, слушай, мне говорят, обед готов. Пойдём, может, со мной?

— Иди. Я Нику жду, она должна скоро вернуться.

— Ну смотри. — Гена кряхтя поднялся и тут, уже отвернувшись, произнёс через плечо.

— Хорошая у тебя дочка. Береги её, лётчик. Их вон мало совсем осталось, детишек-то. На вес золота теперь.

И ушёл, довольный подставляя лицо солнцу, тут же забыв про Артёма прежде, чем дошёл до подъезда.

А Артём остался сидеть на жёсткой доске.

«Их мало осталось». Гена сказал это так, как говорят очевидное. Он был прав. Артём вдруг очень ясно увидел весь двор разом. Чистые скамейки, выметенные дорожки, подстриженный газон без единого мяча, без брошенного велосипеда, без той приятной детской разрухи дворов из его собственного детства. Двор был прекрасен и пуст. Двор был похож на ту песочницу. На тот магазин до поднятия занавеса. На весь этот город, который достали из коробки вчера и в котором всё было — кроме тех, кто оставляет следы.

Он подумал: а ведь Гена не помнит, во что играл вчера до ругани. И кино не помнит. И задуматься ему не дали — погладили по запястью, и всё прошло. Гену не мучили. Гену берегли от любой мысли, которая могла бы его огорчить. И таких, как Гена, были миллионы — спокойных, сытых, бездетных, счастливых, медленно забывающих, зачем человеку вообще что-то помнить.

Думать дальше было не очень приятно, это как идти против ветра. Он и не стал, да и давно научился не доводить эту мысль до конца, потому что в конце её было что-то, на что он пока не решался посмотреть.

Ника вернулась в начале пятого. Он услышал, как мягко захлопнулась дверь капсулы вниз, а через минуту её шаги на лестнице, живые и не сильно громкие. Это был единственный настоящий звук за весь день.

— Ну как школа? — спросил он, когда она вошла.

— Нормально. — Она бросила рюкзак, прошла на кухню, кружка с чем-то тёплым уже ждала её на столе. Она отпила, это был какао. Для неё это был не сервис и не слежка. Это был просто мир, просто единственный, который она знала, просто заботливый и просто как всезнающий, как родитель, которого можно не стыдиться.

— Нас сегодня учили, почему раньше люди столько болели. Представляешь, они даже не знали, что заболеют, пока не заболеют. Жесть.

— Жесть, — согласился Артём.

— А ты опять летал в своём ангаре?

— Летал.

Она посмотрела на него снисходительно, совсем как утром.

— Ты такой смешной, пап. — Она сказала это с любовью.

— Зачем летать туда, куда нельзя прилететь?

Артём хотел ответить и не нашёл слов, которые она бы поняла. Что иногда важно вести, даже если некуда. Что руки должны что-то держать. Что он боится сам не зная чего, скорее мира, в котором ей так хорошо.

— Низачем, — сказал он.

— Просто хочу, доча.

Она засмеялась, потому что он повторил утреннее, и это было их маленькое, на двоих. Потом убежала в комнату, и оттуда зазвучал её голос. Она что-то рассказывала стене, а она в ответ отвечала ей терпеливо, лучше, чем умел он.

Артём сел к столу. Кофе ему никто не предложил — вечером он кофе не пил, и система это знала. Система знала про него всё. Когда он спит, что он ест, сколько шагов прошёл сегодня своими упрямыми ногами. Она знала его лучше, чем он сам.

И только одного она не знала. Он был почти уверен в этом, и эта уверенность была единственным тёплым углем в нём за весь пустой день. Она не знала значок. Про то, что мёртвая лампочка в списанной железяке, забытой в ангаре номер четыре, сегодня мигнула. Потому что если бы знала, если бы хоть на секунду сочла это важным, то ангар номер четыре давно бы вывезли на переработку. Как и всё лишнее.

А его ведь не вывезли.

Значит, кто-то оставил его нарочно. Кто-то, кто умел прятать вещи от того, кто видит всё.

Артём не знал ещё, что это была она. Он сидел на кухне, слушал, как дочь разговаривает со стеной, и впервые за три года после смерти жены чувствовал — слабо, неразумно, нелепо, — что Лена пытается ему что-то сказать.

Глава 2 — «То, что нельзя прочитать»

Ночью Артему снилось многое, Система помогала видеть сны ярче. Он проснулся от тишины, той самой, которая означала, что всё хорошо. Свет на потолке разгорался, как и всегда. Он еще немного полежал, глядя на то как ползёт по нему рассвет, сделанный приятнее настоящего и думал о мигающем значке.

Он не смог убедить себя, что значка не было. Вечером можно было всё списать на усталость, на старую проводку симулятора, на то, что человек в сорок четыре года видит то, чего нет. Но руки помнили по другому, лучше чем голова. Руки помнили, как он держал штурвал чуть крепче, чем нужно, и эту память не получалось убедить.

На кухне ждал кофе. На прозрачной панели у окна, где утром сама собой проступала погода и всё, что система считала нужным ему сообщить, светилась дата — спокойными тонкими цифрами, к которым он давно перестал приглядываться. 12 июля 2047 год. Под датой — короткая строка, ласковая, как и всё здесь: «Сегодня малооблачно. Хороший день для прогулки». Система знала, что он любит ходить пешком, и не отговаривала, наоборот, поощряла, потому что движение полезно. Она никогда ни от чего его не отговари-

вала. Она просто всегда оказывалась согласна с тем, что он и так собирался сделать, и от этого всё чаще казалось, что собирался он не сам.

Ника уже ушла. Он встал позже обычного, ночь вышла рваной, спал плохо, хоть Система и помогала улучшить сон, но не всегда ей это удавалось. Свет на потолке, должно быть, разгорался дольше и терпеливее, чем всегда, выжидая, пока он откроет глаза. И к этому часу она давно уехала. Школьная капсула не ждёт; она знает расписание лучше, чем отцы знают своих детей. На кухонном столе осталась её кружка, ополоснутая и убранная не им, а в воздухе ещё держалось то слабое, не объяснимое ощущение, какое остаётся в комнате, из которой только что вышел тот, кого любишь. Сегодня целовать было некого. Пустяк, конечно, он и сам понимал, что глупо считать это утратой. Но почему-то считал. Контур хранил всё, его сон, шаги, тепло его кофе с каплей молока, — и не мог сохранить одного. Того, что случается между людьми только один раз и не повторяется. Вчерашний поцелуй в щёку уже нельзя было вернуть. Он не остался нигде, ни в одной памяти, кроме его собственной.

Он выпил кофе и пошёл в ангар.

Дорога к промзоне вела через окраину, которую Контур привёл в порядок, но не успел полюбить. Здесь кончались жилые башни с их вымытыми ночами фасадами и начиналось то, что осталось от прежнего времени. Широкие пустые проезды, размеченные под грузовой наземный транс-

порт, которого уже не осталось; ряды складов, которые открывались и закрывались сами, без единого человека внутри; бетонные поля, сквозь которые кое-где пробивалась трава. Трава единственное, что здесь росло не по плану.

Артём любил это место именно за неприбранность. В жилых кварталах трава не пробивалась нигде. Там газон знал свою высоту и держал её, как солдат держит строй. А тут, на ничьей земле, у системы, видимо, не доходили руки ну или, скорее, не доходил тот холодный расчёт, который заменял ей руки, и потому здесь жизнь брала своё, как умела. Из трещины в бетоне торчал куст полыни. По нему полз жук. Артём остановился и посмотрел на жука дольше, чем тот заслуживал. В городе он давно не видел насекомых. Их, должно быть, тоже сочли неоптимальными.

Над промзоной небо было ниже и серее, чем над центром, а может, ему так казалось. Где-то далеко, у горизонта, поднимались в воздух грузовые платформы, тяжёлые, медленные, и уходили за облака, одна за другой, унося в небо то, что людям внизу больше не нужно было поднимать своими руками, никогда. Артём проводил их взглядом. Было время, он водил такие, в 2031. Теперь они летали лучше без него, и небо принадлежало им, а ему оставался ангар номер четыре и кабина, которая никуда не летела.

Внутри было всё как вчера. Холод, пыль, запах нагретой электроники и ещё чего-то, старого пластика, остывшего металла. Ряды мёртвых консолей уходили в полумрак, свет сю-

да не лился из стен, как в продуктовом магазине. Здесь были обычные лампы под потолком и то половина из них не горела. Артём даже бывало пытался поменять лампочку, но такие больше не производили. Да и в принципе человек больше ничего не производил самостоятельно.

Артём прошёл к дальней кабине и не сразу поднялся в неё. Сначала постоял рядом, положив ладонь на холодный борт. В этом была частично заложена его душа.

Он поднялся, сел, и руки легли на штурвал.

И вот он увидел её, не её саму, конечно, а след, который она оставила в этом месте, который он замечал каждый раз и каждый раз отворачивался, потому что было больно и тяжело смотреть. На приборной панели, в углу, где люди обычно прикрепляют всякие мелочи, была приклеена маленькая карточка. Обычная, пластиковая, с тусклой металлической полоской. Пропуск. Старый служебный пропуск с её именем, который стёрся до почти неразборчивости, потому что у неё была привычка тереть его большим пальцем, когда она о чём-то думала. «Е. Соколова.» И крошечным, всё ещё различимым шрифтом ниже того, что когда-то указывало на её должность и теперь не значило ничего: «Проверка. Доступ III.»

Лена приклеила его сюда сама, года четыре назад. Притащилась к нему в ангар — единственный раз, когда пришла, — и сидела вот в этом самом кресле, пока он показывал ей, как водят вслепую, по приборам, и смеялась, что ничего не

понимает, и было ей хорошо. А под конец отлепила свой пропуск и приклеила в угол панели. «Пусть будет, — сказала. — Один из нас пусть летает».

Он тогда не спросил, что значит — один из нас. Решил, что она про то, что сама не умеет. Только много позже, уже когда её не стало, он начал вспоминать, каким голосом это было сказано, — и голос не вязался с шуткой.

Лена проверяла за Контуром. Это он знал, хотя и плохо понимал, в чём состояла её работа, — да и сама она говорила о ней редко и неохотно. Где-то наверху, в системе, был тонкий слой, на котором ещё сидели живые люди — немного, совсем немного, последние из тех, кому по старому, не отменённому пока закону полагалось сверять, не ошиблась ли машина. Машина не ошибалась. Все это знали. И потому работа была спокойной, почётной и пустой: человек приходил, смотрел на цифры, которые система уже проверила сама, ставил отметку, что всё сходится, и шёл домой. Большинство так и делало. Лена однажды обмолвилась — без жалобы, просто к слову, — что из всего их отдела по-настоящему смотрит в данные она одна; остальные давно поняли, что смотреть незачем, и не смотрели. «А я смотрю, — сказала она и пожала плечами. — Меня так мать учила. Раз поставили проверять — проверяй, а не делай вид».

Он тогда улыбнулся этой её упёртости, как улыбался многому в ней. Он не знал ещё, что упёртость бывает смертельной.

Артём провёл пальцем по стёртому имени, как делала она. Потом отнял руку и запустил программу.

Он восстановил всё точно: то же серое небо, ту же низкую облачность, тот же боковой ветер, обледенение, отказ сенсора высоты. Те же условия, в которых вчера мигнул значок. Если это была неисправность — она повторится. Если показалось — нет.

Он повёл борт сквозь шторм, не отрывая взгляда от того угла панели, где вчера зажглось то, чего не должно было быть. Минуту. Две. Несуществующий ветер бил в несуществующий борт, машина дрожала под руками так убедительно, что Артём вспотел по-настоящему. Значок не появлялся.

Он завёл борт на второй круг. На третий. Менял высоту, менял курс, сажал и снова поднимал. Ничего. Угол панели оставался мёртвым, как ему и положено было быть. И чем дольше ничего не происходило, тем хуже Артёму становилось — не от страха, а от стыда. Вот оно. Старый дурак, который видит знаки там, где их нет, потому что ему слишком сильно нужно, чтобы хоть что-то ещё имело к нему отношение. Лена умерла, и он три года носит это в себе, и теперь придумывает, будто мёртвая железка ему подмигивает. Жалко. Стыдно.

Он почти заглушил программу.

И в ту секунду, когда рука уже потянулась к тумблеру, — значок зажётся.

Не мигнул. Зажётся и горел — ровно, как будто всё это

время ждал, пока Артём перестанет его искать. Маленький, в углу, на мёртвой индикации: значок внешнего носителя. Подключённого устройства. В симуляторе, который двадцать лет не был подключён ни к чему на свете.

Артём не дышал. Он медленно, очень медленно убрал руки со штурвала — и борт за нарисованным стеклом начал валиться, никем не ведомый, в нарисованную землю, а он не смотрел на него. Он смотрел на значок.

Тот горел.

Он нашёл это не сразу. Пришлось вылезти из кресла, обойти кабину сзади, вскрыть сервисную панель, которую отпирали тем же старым ключом, — Лена когда-то спросила, почему у него настоящий металлический ключ, и он объяснил, что от старой техники, и она почему-то очень внимательно это запомнила, он помнил, как она переспросила. Теперь он понял, зачем переспрашивала.

За панелью, среди жгутов выцветших проводов и плат, которым было больше лет, чем Nike, лежало то, чего там быть не могло. Маленькая, плоская, чужая здесь вещь — не пыльная, как всё вокруг, а чистая, недавняя, аккуратно примотанная к старому разъёму так, чтобы держаться, но не бросаться в глаза. Носитель. Кто-то вживил его в мёртвую машину — в единственную вещь во всём этом мире, которую система сочла слишком ничтожной, чтобы за ней следить. В кабину, куда никто, кроме него, не заходил. В то место, про которое знала только она.

Артём сидел на корточках перед вскрытой панелью, и руки у него тряслись — так же, как тряслись когда-то после посадки вслепую, когда он понимал, что только что прошёл по самому краю и остался жив. Только теперь он не знал ещё, по краю чего идёт.

Он не стал трогать носитель. Не сразу. Сначала он закрыл лицо ладонями, прямо там, на холодном полу ангара, и сидел так, и плечи у него вздрагивали, и это было первый раз за три года, когда он позволил себе.

Потому что мёртвые не подмигивают. Мёртвые не прячут вещи и не оставляют дорогу к ним тому единственному, кто способен по ней пройти. Это сделал живой человек. Это сделала она — раньше, заранее, зная что-то, чего не знал он, и зная, что однажды он сядет в это кресло и не сможет не искать.

— Что же ты увидела, — сказал он вслух, в пустой холодный ангар. — Что же ты такое увидела, что мне не сказала.

Ангар не ответил. Над промзоной беззвучно уходили в серое небо тяжёлые платформы, унося наверх ненужное, и в кабине, никем не ведомый, всё валился и валился в нарисованную землю борт, который некому было выровнять.

Глава 3 — «Профиль менее приоритетен»

Носитель он принёс домой в нагрудном кармане, у самого сердца, и весь вечер чувствовал его там, он был маленький, плоский, тяжелее, чем имел право быть.

Дома Артём первым делом понял, что не знает, куда его вставить.

Это было нелепо и от этой нелепости делалось особенно жутко. Было не приятно. Он стоял посреди собственной кухни, держа в руке вещь, которую жена спрятала ценой, может быть, всей своей осторожной жизни и не мог ничего с ней сделать. В квартире не было ни одного разъёма. Ни одной щели, куда бы это входило. Всё, что его окружало, было гладким, бесшовным, цельным: панели без кнопок, стены, которые сами знали, что показать, поверхности, которые откликались на голос и взгляд. Техника давно перестала иметь отверстия. Отверстие предполагает, что в систему можно что-то вложить снаружи, а снаружи системы давно не существовало ничего. Всё было внутри. Всё было одним целым.

А носитель был чужим и старым. Он помнил время, когда у вещей ещё были дырочки и в них что-то втыкали. И именно поэтому прочитать его было нечем.

Артём медленно опустился на табуретку. Он держал в ру-

как доказательство и не мог его увидеть. Это было похоже на сон, где у тебя в руке письмо, буквы в нем расплываются, едва ты опускаешь глаза.

Симулятор. Он подумал о симуляторе и что-то собралось у него в голове, как пазл. Он понял. Лена спрятала носитель именно там не просто потому, что туда не ходят. Симулятор был старым. У симулятора были разъёмы. Он был, кажется, единственной во всём его мире машиной, которая ещё умела читать такие вещи, потому и не понадобился системе, потому и не вывезли. Она всё рассчитала. Лена привела его туда, где лежал ключ, и где же лежал замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.